

---

1. *Алексеевский М. Д.* Похоронно-поминальные причитания Русского Севера: проблемы собирания и современное состояние традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Сыктывкар, 2008. Вып. 4. С. 36–45.

2. *Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Юрлинский край: Традиционная культура русских конца XIX–XX вв. Кудымкар, 2003. С. 149–197.

3. *Иванова Т. Г.* Фольклор похоронно-поминальных обрядов // Живая старина. 2010. № 3. С. 66–68.

4. *Подюков И. А.* Карагайская сторона: Народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар, 2004. С. 179–196.

5. *Подюков И. А., Хоробрых С. В.* Голуби на часовенке: Сказки и песни деревни Усть-Уролка. Пермь, 2009. С. 59–67.

6. *Подюков И. А., Чагин Г. Н., Шляхова С. С.* Фокеевна : док. повесть. Пермь, 2009.

7. Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале / авт.-сост. Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева. Магнитогорск, 2008.

8. Фольклор Судогодского края. М., 2001.

9. *Четина Е. М., Роготнев И. Ю.* Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь, 2010. С. 189–214.

10. *Чистов К. В.* Причитания у славянских и финно-угорских народов (некоторые итоги и проблемы) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 101–114.

Н. С. Журавлева

г. Челябинск

Первый съезд писателей Урала 1934 г.

В процессе оформления советской литературы многие современники и исследователи ключевое значение придавали I Всесоюзному съезду писателей (17 мая — 1 сентября 1934 г.), завершившему процесс унификации художественного метода (соцреализм) и организационной формы коллективного творчества в виде Союза советских писателей (ССП). Для избрания его делегатов прошли областные и республиканские съезды писателей: 1 представитель от 10 членов местных СП. Право быть избранным и выбирать получили «писатели, беллетристы, поэты,

драматурги и критики, стоящие на платформе советской власти и стремившиеся участвовать в социалистическом строительстве» [4].

Инициатива проведения съездов писателей на всех уровнях, от областных до всесоюзного, как и текущий контроль, принадлежали ВКП(б). Так, Уралобком поручил подготовку областного съезда парткомиссии из 12 человек, в которую вошли литераторы Н. Харитонов, Б. Горбатов, И. Панов [18]. О съезде писателей Урала было заявлено еще 20 мая 1933 г. в связи с намеченным созывом Всесоюзного съезда. Дату его проведения перенесли из-за неподготовленности как со стороны общесоюзного, так и многих местных оргкомитетов (ОК) ССП. Председатель уральского ОК Н. Харитонов отмечал невнимание центральной и местной печати, отсутствие анкет для составления списков. Он признавал, что соцсоревнования литкружков идут очень слабо, «несмотря на то, что мы приняли героические усилия, разослали бесконечное количество писем, телеграмм...» [7]. Видимо, организационные трудности так и не были преодолены, ведь намеченный на 12 июня 1934 г. съезд писателей Урала не состоялся. Судя по плану, требовалось провести литдекаднику, заседания с театрами, ОГИЗом, военными частями, отправить литбригады на заводы Челябинска, Кургана, Тагила, Тюмени, Перми, издать газету «Литературный Урал». Непродуктивность работы ОК также объяснялась неоднократным переносом даты проведения Всесоюзного съезда. Сохранились сведения, что его запланировали на 25 июня, поэтому Уралобком постановил созвать областной съезд 18 июня [9].

Первый съезд писателей Свердловской, Челябинской и Обь-Иртышской областей проходил 18–22 июня 1934 г. в Свердловске. В его работе принимали участие делегаты от Москвы — В. Ермилов, В. Гусев, В. Инбер, Н. Дементьев, Б. Горбатов, Я. Смеляков, от Ленинграда — А. Прокофьев, Б. Корнилов, от Западной Сибири — Непомнящих и Лихачев, от Донбасса — Беспощадный и Черкасский. Многих из них избрали в президиум (39 человек) [10]. Пригласили около 70 поэтов и 40 критиков Урала, всего 115 делегатов. От имени Всесоюзного ОК выступал В. Ермилов. 19 июня Н. Харитонов докладывал о состоянии литературы Урала. 20 июня состоялись прения по поводу их докладов. 21 июня слушали В. Инбер и В. Гусева. 22 июня заключительное слово держал В. Ермилов [17].

Большинство тем конференции отражали широкий круг проблем советской литературы и перекликались с вопросами, затронутыми на I Всесоюзном съезде писателей. Так, В. Гусев назвал типичным не только для уральцев отставание поэзии от прозы, при этом заметив, что «ни

в одной области, ни в одном крае РСФСР после Москвы и Ленинграда такой поэзии, как на Урале нет» [14, с. 148]. «Резко выраженными творческими индивидуальностями», переросшими свою область, он назвал поэтов Н. Куштума, Б. Ручьева и Г. Троицкого, а пермяков Б. Михайлова и В. Каменского — примыкающими к этой «первой шеренге».

И. Горев обозначил главный изъян профессиональной критики на Урале — «присюсюкивание» с авторами из-за боязни их обидеть. Критику он сравнил с «благонравным существом в бархатных штанишках, которое больше всего боится драки» [12, с. 144]. «Безграничную снисходительность» критиков К. Боголюбова, И. Астахова и А. Ладейщикова он объяснял «кровными интересами литературного движения», нежеланием «портить отношения с писателями». Самих же авторов И. Горев укорял в «тусклой скорописи», поверхностном пересказе событий, самовлюбленности и зачастую пошлости. Очевидно, что избавление от всех этих недостатков делегаты съезда связывали с избранием нового правления оргбюро ССП и мудрым руководством партии.

Теме развития национальной литературы, актуализированной М. Горьким на I Всесоюзном съезде писателей, посвящались выступления М. Лихачева (коми-пермяцкая) [15, с. 151] и Х. Аминова (татарская) [1]. Общими недочетами их признавались малая информированность населения о произведениях, медленное привлечение молодежи, отсутствие профессиональной критики, игнорирование со стороны руководства литдвижением. Правда, татарские писатели преуспели чуть больше: если в УралАПП их насчитывалось 5–6, то теперь — 50, возникло около 15 литкружков на предприятиях, с 1927 г. татаро-башкирской секцией выпущено 7 альманахов и около 20 книг [1, с. 152].

При этом, независимо от национальности, уральские писатели уделяли мало внимания оборонной тематике, что признавалось серьезной ошибкой из-за угрозы империалистической войны. Многие произведения на военную тему непродуманны, написаны только потому, что «писателю были нужны деньги, а редактору — выпустить журнал» [3, с. 155]. Надежды на искоренение этих недостатков возлагали на деятельность Дома Красной армии в Свердловске, где оборудовали кабинет красноармейского писателя, а в январе 1934 г. открылись двухнедельные курсы руководителей красноармейских литкружков.

О значении поэзии в воспитании военно-патриотического духа у молодежи страстно говорил К. Реут, приехавший на съезд прямо с боевых учений. Также выступали А. Бондин, А. Кореванова, Н. Куштум, П. Хорунжий, П. Бажов, о чем вспоминал делегат съезда А. Лозневой.

Он писал, что на сцене клуба Профинтерна висел огромный макет книги «Я люблю» А. Авдеенко и чуть меньше макет сборника Б. Ручьева «Вторая родина». На второй день съезд прервал работу: через Свердловск из Владивостока в Москву проезжал поезд с участниками челюскинской эпопеи. Колонна писателей с красным знаменем приветствовала героев на вокзале, читали стихи [16, с. 79].

В резолюции I областного съезда писателей Урала одобрялась политическая линия Всесоюзного ССП и учреждались премии за создание произведений, «достойных нашей великой социалистической эпохи». А. Авдеенко (роман «Я люблю») получил 3 тыс. руб., А. Бондин (роман «Лога») и Б. Ручьев (книги стихов «Вторая родина», «Песня о страданиях подруги») — по 2 тыс. руб., А. Кореванова (роман «Моя жизнь») — 1,5 тыс. руб., А. Маленький (книга стихов «Бой»), Н. Добычин («Рассказы о нашем городе») и Х. Аминов (книга стихов) — по 1 тыс. руб. Согласно постановлению № 585 от 20 июня 1934 г., распределением этих средств занимался глава Свердловского облисполкома В. Ф. Головин [6]. Главная задача областных съездов — избрание делегатов на I Всесоюзный съезд писателей — также была выполнена. Представлять Урал доверили Н. Харитонову, Б. Горбатову, И. Гореvu, В. Виноградовой, А. Авдеенко, Б. Ручьеву, А. Бондину, Н. Куштому, К. Реуту, А. Маленькому, Х. Аминову и И. Астахову [5].

Этот съезд ускорил процесс формирования областных отделений ССП на Урале. Так, уже 5 июля 1934 г. на заседании Свердловского ССП обсуждался вопрос о приеме в члены союза. Было подано 50 заявлений: 18 человек стали членными союза, 16 человек — стажерами (кандидатами), а кандидатуры 17 человек отклонили [11]. Эти кандидатуры, скорее всего, постоянно обсуждались — в ГАСО сохранилось несколько списков. К примеру, перед областным съездом перечень рекомендованных в члены ССП включал 33 человека, а кандидатов в члены ССП и литактива — 83 человека [8]. Вероятнее всего, за право быть избранным, а тем более поехать в Москву на I Всесоюзный съезд писателей, в Свердловском отделении ССП разгорелась нешуточная борьба.

Документы не отражают мотивы вступления литераторов в ССП. Можно согласиться с В. Антипиной, считавшей, что большинство литераторов стремились в ССП для получения материальных благ и стабильности. Этот вывод она сделала на основании анализа писем и протоколов заседаний [2]. Такое утилитарное отношение писателей и поэтов к творческому союзу, по мнению Т. М. Горяевой, было во многом спровоцировано руководителями Политбюро ЦК ВКП(б). В частности, после

постановления «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. массовая ликвидация литературных организаций и ограничение их издательской деятельности обусловили тяжелую социальную обстановку и даже бедность в среде мастеров слова [13, с. 241]. Идеологическая атмосфера в СССР в 1930-е гг., непростое материальное положение и социальная незащищенность литераторов стали факторами, обусловившими их вступление в ССП.

Таким образом, создание ССП СССР и его областных отделений с коммунистической фракцией и организационной структурой, копирующей строение ВКП(б), утверждение соцреализма как единственного художественного метода, возможность творческого и физического выживания только в рамках Союза советских писателей, Союза советских художников, Союза советских архитекторов превращали эти творческие союзы, по выражению И. В. Сталина, в «приводные ремни» партии, а самих деятелей литературы и искусства — в послушных проводников ее политики.

-
1. *Аминов Х.* Татарская литература // Штурм. 1934. № 7.
  2. *Антипина В.* Повседневная жизнь советских писателей в 1930-е — 1950-е гг. М., 2005.
  3. *Белоконь.* Оборонная литература // Штурм. 1934. № 7.
  4. ГАСО. Ф. Р-1615. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.
  5. Там же. Л. 82.
  6. Там же. Л. 97.
  7. Там же. Д. 6. Л. 7.
  8. Там же. Д. 7. Л. 5.
  9. Там же. Д. 9. Л. 95.
  10. Там же. Д. 12а. Л. 1.
  11. Там же. Д. 13. Л. 7.
  12. *Горев И.* Говорите писателю правду // Штурм. 1934. № 7.
  13. *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009.
  14. *Гусев В.* Советская поэзия перед съездом писателей // Штурм. 1934. № 7.
  15. *Лихачев М.* Коми-пермяцкая литература // Там же.
  16. *Лозневой А.* Еще тогда, в первой пятилетке // Встреча с другом. Книга о Борисе Ручьеве: Воспоминания. Статьи. Стихи. Челябинск, 1976.
  17. Уральский рабочий. 1934. 22 июня.
  18. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 31. Л. 92.